

(Продолжение,
начало в №№ 98, 99).

Петр ШМАКОВ

ПРОСНУЛСЯ Гринька рано. Утро серело в низком окне избенки, где он жил с Ленкой, широкой в бедрах, широкой в лице женщиной. Ленка была старше Гриньки на семь лет. Гринька не любил Ленку. Сошлись они из-за Гринькиной дурости. Вернулся с курсов трактористов, загулял с ребятами. Ходили по деревне, песни пели. Ордали черт-те что, хохотали и все обнимались. Слабо помнит Гринька, как они ходили в соседнюю деревню к

Сбавляет шаг у крупного пятистенника под тесовой крышей. Окна дома безжизненны, зелены, притаенно щурятся, на Гриньку и словно тянут в себе невысказанную тайну.

Гринька робеет, отводит глаза от окон, но ему хочется посмотреть на них, и сердце наливается колючей болью. Ноги тянут, глаза опалывают жаром, а горло першит от возникшей сухости. И почему человек себе не волен? Где этот тормозок, которым можно бы

У СТАРОГО ТОПОЛЯ

РАССКАЗ

Сазонихе покупать самогон. удержать чувства?

Пить зашли к вдовой Ленке Смолкиной. Идти не мог. Ребята его оставили. Проснулся у нее в постели. Было светло. Кто-то заглянул к Ленке, увидел их, и через час вся деревня судачила о Гриньке и Ленке.

Смолкина вела себя до этого небалованно. Первый раз обмусурилась, как она выразилась. Сидела на табуретке, на кухне и редела. Гринька слез терпеть не мог. Смущенный и виноватый, с большой, трескучей с похмелья головой, подошел к Ленке, положил ладонь на голову, привлек к себе и ласково, без особой сердечности, попросил:

— Хватит. Ну, хватит, грю... Жить у тебя останусь... Коль же вышло, как дышло...

В тот же день он встретился у старого тополя, что могуче раскинулся густой кроной, с ней, с голубоглазой.

— Поздравляю, Гринь, с законным браком.

И не задержав шага, ушла на ферму. Гринька долго стоял, ему хотелось выть от тоски, от обиды на себя, на ребят, что бросили его у Ленки, на этот лохматый тополь, свидетеля двух встреч с голубоглазой. В первый раз она сказала:

— Нет, Гринька, сватов не нужно. И не пойду я за тебя. Не ходи по пятам лунатиком.

И только во вторую встречу Гриньке стало ясно: любит он ее, эту красивую, надменную злючку.

Гринька осторожно встал с постели, боясь разбудить жену, и босым протопал на кухню. Стал одеваться. Сунул в карман кусок хлеба с ошметком сала, вышел за дверь.

Рассвет обливал дома, заборы, словно все было посыпано легким пеплом. Несмотря на раннюю пору, деревня оживилась, заговорила короткими выкриками женщин, хлопанием калиток, беззвонными взбрыками собак, запоздалым пением петухов.

Гринька шел осторожно, неторопко, чутко прислушивался к деревенским звукам, приносившим к запахам. У дома Вербиных пахнет жареной жартошкой. Здесь это обычный запах. Сам Семен Вербин, не может жить без жартошки. Его и зовут картофельным брюхом. На работу с собой всегда берет литровую банку с картофелем. Семен — тракторист знатный. Орденом награжден. А здесь, у продолговатого старого дома, пахнет хлебом. Это Свердловки. В магазине мать Сверлова Сергея хлеба не берет, а печет его сама. И три раза на неделе от них идет сдобный запах хлеба, испеченных в русской печи, которую старуха отвоевывает у своего сына каждый год.

Дорога выводит Гриньку из села. Она размашиста, с бесчисленными, отчетливо видимыми, и слабыми тропками, уводит в поле и не может никак обойти старый тополь. Листва его в росистой дымке холодная и строга. Задумался старый великан. О чем он задумался, не может понять Гринька. Слишком много тому пришлось видеть, и слышать. Гринька всегда терялся перед людьми задумчивыми, молчаливыми и грамотными. Всех грамотных и умных он считал задумчивыми. Два года назад ездил он по лутевке в Дом отдыха. В комнате жили пять человек. Двое с завода, что в Кривошеино под Новосибирском, агроном из Тисули и высокий сутуловатый из Томска. Последнего звали Владиком. И такой он был пустомеля, что ни одной минуты не мог обойтись без трепа. И откуда все брал — не понять. Часто приходил подпитым и бахвалился: сегодня пил с еврейкой. Да что вы не знаете? А та, с усиками... А сегодня девочка — слани, Муж у нее директор универмага в Новосибирске. Хохма. Мы с ней загораем на берегу у кустиков бузины, а муж ее ищет... Умора. А девочка... Свет гаси.

За обедом сидели рядом. Гринька и спросил у него о работе. Владик снисходительно взглянул на него, прищурился и резко спросил:

— В аспирантуре сейчас...

— Это какое образование? — спросил Гринька, не понимая замысловатого словечка. Орбел поначалу перед таинственным словом.

— Выше, конечно, — проморщился Владик, давая понять всем своим видом никчемность дальнейшего разговора. Гринька подозрительно оглядел Владика, целиком, мысленно сравнил его со складным метром и обрадованно произнес:

— Ну и врать ты... Врать здоров.

— Это почему? — Владик аж подпрыгнул уязвленный.

— Умные не болтают, — твердо заключил Гринька, и не обращая внимания на Владика, принялся за остывший гуляш...

Гринька подошел к тополю, погладил ладонью гладкий холмистый ствол.

— И скупино и грустно, и некому руки подать. Так, старик? Усек?

(Окончание следует).

**НАШ
АДРЕС**

// Заветы Ленина,
1975, 21 августа, с. 4.